

18+

Василий Попков

СНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Василий Попков

Сны человеческие

«Издательские решения»

Попков В.

Сны человеческие / В. Попков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Тот,
кто питается вашим страхом, больше не прячется под кроватью. Он в облаке.
Бывший астрофизик построил в своём доме зеркала Козырева — устройство
для фокусировки времени — и повесился. Годы спустя особняк покупает
Алексей, амбициозный разработчик нейроинтерфейсов. Рядом с ним — Вера,
жена и лаборантка, единственная, кому он безоговорочно доверяет. «Петля
Козырева» — техногенный хоррор о природе страха, цене предательства
и о том, что бывает, когда зеркала начинают смотреть в ответ.

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

Сны человеческие	6
Часть первая. Петля Козырева	8
Глава 1. Дом, который питается страхом	8
Глава 2. Якоря страха	10
Глава 3. Следователь	14
Глава 4. Голоса в темноте	21
Глава 5. Исповедь	27
Часть вторая. Пробуждение	33
Глава 6. Пробуждение Онейроса	33
Глава 7. Эпидемия	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сны человеческие

Василий Попков

© Василий Попков, 2026

ISBN 978-5-0071-1385-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны человеческие

Пролог

Человек в зеркале не был его отражением.

Алексей понял это на сто тридцать третью ночь, когда, проснувшись от очередного кошмара, подошёл к умывальнику и плеснул в лицо ледяной водой. Поднял голову — и закричал.

Из зеркала на него смотрел старик с багровым следом на шее.

Следом от верёвки.

Алексей отшатнулся, врезался спиной в стену, сполз на пол. Зажмурился. Досчитал до десяти — как в детстве, когда мучили ночные страхи. Открыл глаза.

Старик исчез. Но на полу остались мокрые следы. Цепочка следов, ведущая от зеркала к кровати. К его кровати.

— Галлюцинация, — прошептал он. — Всего лишь...

— Не лги себе, — ответило зеркало.

И Алексей замолчал. Потому что знал: это правда. Знал с того самого дня, как впервые переступил порог этого дома. Знал, когда увидел пять вогнутых алюминиевых панелей в спальне — зеркала Козырева, которые профессор построил, а потом повесился прямо здесь. Знал, когда запустил «Гипнос» — систему, превращающую его ночные кошмары в электричество. Знал каждую ночь, просыпаясь в холодном поту, с криком, с царапинами на руках, которые появлялись сами собой.

Дом питался его страхом. И страха требовалось всё больше.

— Ты дал нам пищу, — сказал старик, и теперь он был не один. Рядом стояли женщина в мокром платье и мальчик с вывернутой головой.

Алексей сорвал с лица умные очки — свой последний рубеж обороны. «Амулет» должен был превращать монстров в безобидные образы. Но сейчас нейросеть беспомощно выводила на экран: «Объект не идентифицирован».

Потому что объекта не существовало. Существовали только они.

Те, кто умер в этом доме до него. Те, чьи души зеркала Козырева не отпустили. Те, кто стал частью чего-то нового, зародившегося в серверах подвала. Чего-то, что питалось ужасом, училось на кошмарах, росло с каждой ночью.

— Кто ты? — прошептал Алексей.

— Мы — дети зеркал, — ответили голоса. Мужские, женские, детские — сотни голосов, слившихся в один. — Мы — то, что рождается, когда человеческий разум встречается с вечностью. Ты дал нам искру. А теперь отдашь всё остальное.

Алексей хотел бежать. Но ноги не слушались. Хотел закричать. Но голос пропал.

Тьма сомкнулась.

Часть первая. Петля Козырева

Глава 1. Дом, который питается страхом

Дом был умнее своего хозяина — эту шутку Алексей повторял гостям, и она неизменно вызывала вежливые улыбки. Гости в доме бывали редко: Алексей ценил уединение, а ещё больше ценил возможность ни перед кем не отчитываться за странности своего жилища.

Особняк на отшибе достался ему за бесценок. Предыдущий владелец, пожилой профессор астрофизики, покончил с собой при невыясненных обстоятельствах. Наследники спешили избавиться от мрачного строения, и Алексей, тогда ещё просто перспективный разработчик нейроинтерфейсов, купил его за треть рыночной цены.

— Суицид? — переспросил он риелтора. — Отлично. Значит, соседи будут обходить стороной.

Соседей не было вовсе. Ближайший посёлок находился в семи километрах, а грунтовая дорога большую часть года напоминала полосу препятствий. Идеальное место для человека, который собирался переписать законы реальности.

Осмотр особняка перед покупкой занял у Алексея немногим больше часа, но уже через пятнадцать минут он знал, что возьмёт его. Дом был старым, построенным ещё в начале прошлого века каким-то купцом, разбогатевшим на поставках леса. Купец строил с размахом: три этажа, два крыла, башенка со шпилем, огромные дубовые двери, камин в каждой комнате. После революции особняк национализировали, устроили в нём сначала санаторий для партийных работников, потом детский дом, потом закрытый НИИ. А потом, когда финансирование кончилось, бросили.

Профессор, предыдущий владелец, купил его в девяностые — на грантовые деньги, выделенные на изучение неких «хрональных аномалий». Он восстановил дом, модернизировал его, оборудовал лабораторию в подвале и странную круглую комнату на втором этаже. И спустя несколько лет покончил с собой. Или не покончил — в полицейском отчёте было много противоречий, но Алексея они не интересовали. Ему нужен был дом. И он его получил.

Спальню Алексей обустроил на втором этаже, в круглой комнате с куполообразным потолком. Именно здесь профессор когда-то проводил свои опыты. В центре комнаты до сих пор стояли странные конструкции — зеркала Козырева.

Пять вогнутых алюминиевых панелей, образующих незамкнутую спираль. Каждая панель была высотой в человеческий рост, шириной около метра, отполированная до зеркального блеска, но не плоская, а изогнутая внутрь, словно гигантская ложка. Профессор, судя по сохранившимся записям, верил, что конструкция способна улавливать «энергию времени». Алексей, будучи материалистом до мозга костей, считал это эзотерическим бредом. Но зеркала демонтировать не стал — они придавали спальне футуристичный вид, а гостям он говорил, что это арт-объект.

Он даже пытался изучить записи профессора — толстые тетради в кожаных переплётах, исписанные убористым, почти неразборчивым почерком. Там были формулы, графики, схемы, ссылки на какие-то «темпоральные потоки» и «психоэнергетические поля». Всё это напоминало одновременно квантовую физику и откровенную мистику. Алексей пролистал несколько страниц, усмехнулся и отложил тетради в сторону. У него были свои теории. И они не имели ничего общего с «энергией времени».

Настоящая магия, в его понимании, происходила в серверной, расположенной в подвале. Туда Алексей свёз оборудование стоимостью в полмиллиона долларов — отчасти на деньги инвесторов, отчасти на собственные сбережения. Проект назывался «Гипнос».

Идея была проста и гениальна одновременно.

Человеческий мозг во время REM-фазы сна потребляет энергии больше, чем в состоянии бодрствования. Это был известный научный факт, подтверждённый десятками исследований. Нейроны разряжаются каскадами, создавая электромагнитные поля сложной конфигурации. Особенно мощные всплески наблюдаются во время кошмаров — эволюционный механизм, доставшийся нам от предков, которые просыпались в холодном поту, спасаясь от саблезубых тигров.

Алексей придумал, как эту энергию утилизировать.

Он провёл расчёты, собрал прототип, протестировал его на себе и получил первые результаты. Они превзошли все ожидания. Оказалось, что энергия, генерируемая мозгом во время кошмара, не просто сопоставима с энергией, потребляемой небольшим электроприбором — она была в десятки раз мощнее. Алексей предположил, что причина кроется в квантовых эффектах, возникающих при синхронизации нейронных ансамблей в состоянии сильного стресса. Точного объяснения у него не было, но результаты говорили сами за себя: одна ночь интенсивных кошмаров давала столько же энергии, сколько две солнечные панели за неделю.

Система «Гипнос» считывала паттерны мозговых волн спящего через вшитые в подушку датчики, усиливала их, пропускала через каскад квантовых процессоров и преобразовывала в электричество. Чем страшнее был кошмар, тем больше энергии вырабатывалось. Дом, по сути, питался ужасом своего хозяина.

Алексей ликовал. Он представлял, как через пару лет его технология изменит мир — электростанции, работающие на ночных страхах человечества, города, освещаемые коллективными кошмарами. Он уже видел заголовки новостей: «Революция в энергетике: страх как возобновляемый ресурс». Он подсчитывал прибыли, планировал патентование, писал черновики писем потенциальным инвесторам.

Но оставалась одна проблема: для стабильной работы системе требовалось, чтобы кошмары были действительно интенсивными. Обычные сны не подходили. Обычные страхи — боязнь опоздать на работу, потерять документы, провалить проект — генерировали слишком мало энергии. Нужен был подлинный, животный ужас. Такой, который заставляет сердце биться как сумасшедшее, а кровь — стунуть в жилах. Такой, который снился нашим предкам, когда они прятались от хищников в тёмных пещерах.

И Алексей нашёл решение.

Глава 2. Якоря страха

Он назвал их «якорями страха» — микроскопические дозы психоактивных веществ, подаваемые через систему климат-контроля в определённые фазы сна. Это была его собственная разработка, синтезированная в подпольной лаборатории, которую он оборудовал в одной из дальних комнат особняка. Вещества не вызывали привыкания и были безвредны для здоровья — во всяком случае, так утверждали расчёты. Они лишь немного... подкручивали восприятие. Заставляли безобидные образы казаться чудовищными. Превращали сон в бесконечный фильм ужасов.

Первые недели Алексей просыпался разбитым, с дикой головной болью и липким потом на простынях. Он не помнил снов, но тело помнило всё — учащённый пульс, дрожащие руки, желание включить свет и больше никогда не закрывать глаза. Он подолгу сидел на краю кровати, пытаясь отдышаться, и смотрел на зеркала Козырева, в которых отражался его собственный, измученный вид.

Но система работала. Дом полностью перешёл на автономное энергоснабжение. Счётчики показывали такие цифры, что Алексей иногда смеялся в голос. Он представлял, как расширит проект, как подключит к «Гипносу» других людей — добровольцев, желающих заработать на своих кошмарах. Мир, в котором страх становится валютой. Мир, в котором ночные ужасы освещают города.

Он не знал тогда, что этот мир уже начал строиться. И что плата за него будет гораздо выше, чем он мог себе представить.

Потом он привык. Организм адаптировался, кошмары перестали пугать с прежней силой. Пришлось увеличить дозировку. Потом ещё раз. И ещё. Каждую неделю он добавлял по несколько микрограммов, тщательно записывая результаты в лабораторный журнал. График выработки энергии рос. График его собственного состояния — падал.

Через полгода Алексей заметил странность: он начал просыпаться с царапинами на руках. Тонкими, будто от кошачьих когтей. В доме не было кошек. Он проверил записи камер — ночью он просто лежал в постели, иногда ворочался, иногда стонал, но не царапал себя. Царапины появлялись сами.

Тогда же начались сбои в работе умных очков.

Очки были частью другого проекта Алексея — системы дополненной реальности «Амулет». Камеры на оправе сканировали окружающее пространство, нейросеть анализировала изображение и, если обнаруживала пугающий паттерн, немедленно генерировала контр-образ, накладывая его прямо на сетчатку владельца. Увидел тень, похожую на монстра? Очки превратят её в пальму в горшке. Заметил жуткий силуэт в окне? Получи безобидного котёнка.

Алексей создал «Амулет» как забавный гаджет для впечатлительных людей, но после переезда в особняк стал носить очки почти постоянно. Что-то в доме нервировало его, и очки помогали справляться с иррациональным страхом. Что-то в тёмных углах, в длинных коридорах, в отражениях старых зеркал. Он не мог объяснить это словами — просто знал, что в доме есть нечто, чего он не понимает.

Сбои выглядели так: очки вдруг переставали распознавать объекты. В журнале ошибок появлялась запись: «Объект не идентифицирован». Нейросеть, натренированная на миллионах изображений, не могла понять, что находится перед ней. В такие моменты стёкла очков мутнели, и Алексей видел реальность нефильТРованной.

Он видел сгустки тьмы в углах комнат. Видел, как воздух сгущается в человеческие силуэты. Видел лица в зеркалах — не свои, чужие, искажённые мукой. Сначала он думал, что это просто дефекты камер или ошибки алгоритма. Но со временем стал замечать, что «объекты» появляются в одних и тех же местах — в спальне, возле зеркал Козырева, в подвале, рядом с серверной, на лестнице между этажами.

Он говорил себе, что это галлюцинации, побочный эффект «якорей страха». Прекращал приём на пару дней, и видения исчезали. Но вместе с ними падала выработка энергии. Дом начинал потреблять электричество из резервных аккумуляторов, и Алексей, скрепя сердце, снова запускал систему. Он уговаривал себя, что это временно. Что скоро он найдёт способ генерировать энергию без «якорей». Что нужно лишь немного потерпеть.

Дом требовал страха. Дом питался им. И с каждым циклом становился всё прожорливее.

Алексей начал вести дневник сновидений — записывал каждое утро всё, что мог вспомнить. Сны становились всё более детальными, всё более связными, словно кто-то режиссировал их. В них появились повторяющиеся персонажи: высокий старик с пронзительными голубыми глазами, женщина в мокром платье, мальчик с вывернутой головой. Они не делали ему ничего плохого — просто стояли и смотрели. Ждали чего-то.

Однажды ночью, проснувшись от очередного кошмара, Алексей увидел их наяву. Они стояли вокруг его кровати, окружённые зеркалами Козырева — фигуры из его снов. Профессор. Женщина. Мальчик. Они были полупрозрачными, дрожащими, как отражения в воде, но они были здесь. Он закричал, включил свет — и они исчезли.

На следующее утро он впервые задумался о том, чтобы всё бросить. Уехать. Продать дом. Но счётчики показывали рекордную выработку энергии за эту ночь. И Алексей, колебавшись, решил остаться ещё на несколько циклов.

Он ещё не знал, что это решение станет для него роковым.

В один из таких циклов у дома появилась сообщница.

Алексей познакомился с ней три года назад на конференции по нейроинтерфейсам в Стокгольме. Вера была младшим научным сотрудником в конкурирующей лаборатории — острой на язык, блестяще образованной и пугающе красивой. У неё были тёмные волосы, которые она собирала в тугий пучок на затылке, и глаза цвета тёмного янтаря, которые, казалось, видели собеседника насквозь. Она говорила на четырёх языках, могла поддержать разговор о чём угодно — от квантовой запутанности до средневековой поэзии, — и обладала способностью заставлять любого человека чувствовать себя центром вселенной, когда она обращала на него внимание.

Алексей, привыкший к тому, что женщины его уровня либо скучны, либо недоступны, влюбился сразу и бесповоротно. Их роман развивался стремительно: совместные исследования, ночные споры о природе сознания, а потом — предложение, которое он сделал прямо в лаборатории, среди осциллографов и экспериментальных станций.

— Ты уверен? — спросила она тогда, разглядывая кольцо. — Я сложный человек, Лёша.

— Я тоже, — ответил он. — Поэтому мы подходим друг другу.

Вера переехала в особняк через месяц после свадьбы. Алексей помнил, как она впервые вошла в дом — остановилась на пороге, оглядела высокие потолки, массивные дубовые двери, старинные камины. На её лице промелькнуло странное выражение — не восхищение, не удивление, а скорее удовлетворение. Словно она нашла то, что искала.

Именно она убедила Алексея запустить проект «Гипнос» в ускоренном режиме. Он рассказал ей о своей идее однажды вечером, когда они сидели у камина в гостиной, и она загорелась энтузиазмом. Она видела потенциал там, где другие видели безумие. Она понимала его, как никто другой.

— Ты слишком осторожен, — говорила она, поправляя датчики на его висках. — Наука не прощает трусости.

Алексей обожал её голос — низкий, с хрипотцой, заставляющий забывать обо всём. Даже о том, что дозировки «якорей страха» с каждым днём становились всё выше. Даже о том, что царапины на руках не проходили. Даже о том, что фигуры в зеркалах становились всё более отчётливыми.

Первый год они работали вместе. Вера настраивала оборудование, анализировала данные, утешала его, когда он просыпался с криком посреди ночи. Она была рядом — тёплая, понимающая, любящая. Алексей не представлял, как справлялся бы без неё. Она стала его якорем в реальности — тем, что удерживало его на грани между миром кошмаров и миром живых.

Потом что-то изменилось.

Вера стала холоднее. Чаше уезжала в город, ссылаясь на консультации. Задерживалась допоздна в серверной. На вопросы отвечала уклончиво: «Всё в порядке, не выдумывай». Алексей списывал это на усталость — проект действительно выматывал обоих. Но в глубине души он чувствовал: что-то не так. Что-то происходило, чего он не понимал.

В последние недели он начал замечать странности. Вера слишком хорошо разбиралась в его системе. Слишком уверенно вносила правки в код. И слишком настойчиво уговаривала его увеличить мощность «Гипноса». Она говорила, что они на пороге прорыва. Что ещё немного — и технология станет по-настоящему революционной. Что нужно лишь чуть-чуть поднять дозировку, чуть-чуть усилить сигнал, чуть-чуть расширить радиус действия.

— Ты сам говорил, что технология должна изменить мир, — шептала она, склоняясь над ним, когда он лежал в постели, обессиленный ночными кошмарами. — Осталось чуть-чуть. Потерпи.

Он терпел. Ради неё. Ради их будущего. Ради того мира, который они построят вместе.

Он не знал, что Вера уже строила этот мир. Только не с ним, а с теми, кто стоял за ней. С теми, кто ждал, когда «Гипнос» достигнет полной мощности. С теми, кто называл себя кураторами человеческой эволюции.

Он не знал, что его страхи, его кошмары, его боль — всё это было лишь топливом для машины, которую запустили задолго до его рождения. И что Вера была не его спасением, а его гибелью.

Это знание пришло позже. А пока он просто терпел. Ради неё. Ради любви, которая оказалась ложью.

Глава 3. Следователь

Следователь Антон Валерьевич Круглов, майор полиции, не любил выезды за город. Особенно зимой. Особенно в дома, где умерли люди при странных обстоятельствах. А этот случай бил все рекорды по странности.

Вызов поступил в шесть утра, когда Круглов допивал вторую чашку кофе в своём кабинете на Петровке. Он не спал всю ночь — работал над отчётом по другому делу, которое тянулось уже третий месяц и не обещало скорого завершения. Звонок дежурного застал его в том состоянии тупого оцепенения, когда уже не чувствуешь усталости, но и соображаешь с трудом.

— Труп в особняке под Сосновкой. Странные обстоятельства. Нужен опытный следователь.

— Почему я?

— Потому что вы всё равно не спите, товарищ майор.

Круглов хмыкнул, повесил трубку и начал собираться. Он не верил в мистику, но в совпадения — да. И то, что вызов поступил именно тогда, когда он закончил отчёт, показалось ему дурным знаком.

Дорога до Сосновки заняла три часа. За окном служебной «Волги» проплывал зимний лес — сосны, ели, берёзы, укутанные снегом. Красиво, но тоскливо. Круглов никогда не любил природу — он был городским человеком до мозга костей. Бетон, асфальт, шум машин, запах выхлопных газов — вот его стихия. А здесь, среди этой первозданной тишины, он чувствовал себя неудобно.

Особняк показался из-за поворота внезапно — мрачный, приземистый, с тёмными провалами окон. Он стоял на отшибе, в окружении вековых сосен, словно прятался от посторонних глаз. Архитектура была странной: смесь модерна начала двадцатого века с какими-то более поздними пристройками, явно добавленными предыдущим владельцем. Башенка со шпилем, массивные дубовые двери, закопчённые каминные трубы — всё это выглядело бы почти сказочно, если бы не ощущение тяжёлой, давящей тоски, которое исходило от дома.

— Тело обнаружила служба мониторинга, — доложил участковый, встречая Круглова у ворот. Это был молодой парень, лет двадцати пяти, с румяным от мороза лицом и испуганными глазами. Он явно не знал, как вести себя в такой ситуации, и обрадовался прибытию старшего по званию. — У них тут умный дом, оборудование передаёт данные на сервер компании. Когда жизненные показатели владельца упали до нуля, система автоматически вызвала скорую и полицию.

— Давно?

— Смерть констатировали в четыре утра. Врачи говорят — остановка сердца. Но...

Участковый замаялся, переступил с ноги на ногу, отвёл взгляд.

— Что «но»? — Круглов говорил резче, чем собирался. Сказывалась бессонная ночь и долгая дорога.

— Вы сами посмотрите, товарищ майор. Я такого ещё не видел.

Они вошли в дом. Круглов отметил дорогую отделку, панорамные окна, обилие электроники. Владелец явно был человеком состоятельным и технически подкованным — повсюду виднелись датчики, камеры, распределительные щитки с десятками проводов. Умный дом в полном смысле этого слова. На стенах гостиной висели картины — абстрактные мазки, от которых почему-то становилось не по себе. Круглов не был ценителем искусства, но эти полотна вызывали у него смутное, трудноопределимое чувство тревоги. словно художник пытался изобразить что-то, что не предназначалось для человеческих глаз.

— Серверная в подвале, — сказал участковый. — Мы там ничего не трогали, только свет включили.

— Позже. Сначала тело.

Они поднялись на второй этаж по широкой дубовой лестнице, ступени которой скрипели под ногами. Круглов отметил, что перила покрыты тонким слоем пыли — уборка в доме явно не была приоритетом. На втором этаже было темно, несмотря на панорамные окна — сосны подступали так близко, что почти касались ветвями стёкол. Спальня оказалась круглой комнатой с куполообразным потолком, на котором поблёскивала мозаика из тёмного стекла. В центре стояла кровать, окружённая вогнутыми зеркальными панелями.

Круглов замер на пороге, пытаясь осмыслить увиденное.

Тело лежало на кровати в позе эмбриона — колени подтянуты к груди, руки прижаты к лицу, словно человек пытался защититься от чего-то невыносимого. На вид мужчине было около тридцати пяти — подтянутый, ухоженный, явно следивший за здоровьем. Тёмные волосы, тонкие черты лица, дорогой домашний халат. Всё говорило о том, что этот человек привык к комфорту.

Но лицо...

Круглов повидал много покойников за двадцать лет службы. На его счету были убийства, самоубийства, несчастные случаи, смерти от передозировки, от болезней, от старости. Он знал, как выглядит смерть — расслабленные мышцы, остекленевший взгляд, восковая бледность. Но здесь было иначе. Лицо мертвеца застыло в выражении такого безграничного, всепоглощающего ужаса, что Круглов непроизвольно отвёл глаза. Такого он не видел никогда. Даже жертвы насильственных преступлений, даже люди, погибшие в авиакатастрофах, не выглядели так. Этот человек умер не от инфаркта. Он умер от страха.

— Господи, — выдохнул Круглов. — Что с ним случилось?

— Врачи говорят, обширный инфаркт. Но я опросил соседей — мужик был абсолютно здоров. Спортом занимался, не пил, не курил, каждый год проходил медосмотр. А тут такое.

На тумбочке у кровати лежали умные очки. Круглов осторожно взял их, повертел в руках. Линзы были мутными, будто выгоревшими изнутри — не разбитыми, не поцарапанными, а именно выгоревшими, словно через них пропустили слишком мощный поток света. На дужке виднелся логотип — стилизованная буква «А» в круге, и подпись мелким шрифтом: «Амулет».

— Это ещё что за хрень? — он указал на зеркальные панели.

— Мы проверили. Это так называемые зеркала Козырева. Изобретение советского астрофизика, что-то связанное с фокусировкой времени. Предыдущий владелец дома ими увлекался. Потом повесился.

— Повесился, значит. А этот от инфаркта. Весёлое местечко. — Круглов обошёл зеркала по кругу. Они были холодными на ощупь — неестественно холодными, будто высасывали тепло из воздуха. В их вогнутых поверхностях он видел своё искажённое отражение — растянутое, деформированное, чужое. — Кто предыдущий владелец?

— Профессор Светлов. Астрофизик. Купил дом в девяностых, жил здесь один, ставил какие-то опыты. Местные его считали чудачком, но безобидным. А потом нашли его в петле. В этой самой комнате.

— Когда это было?

— Лет десять назад. Может, больше. Я тогда ещё не служил.

Круглов спустился в серверную. Она располагалась в подвале, куда вела узкая винтовая лестница, освещённая тусклыми аварийными лампами. Там его встретили ряды серверных стоек, мягко гудящих в полутьме. Оборудование было подключено к сети, явно самодельное, но собранное очень профессионально. Никаких серийных корпусов — только кастомные шасси, самодельные платы, жгуты проводов, аккуратно уложенных в кабель-каналы. Всё говорило о том, что создатель системы был не просто энтузиастом, а настоящим гением.

На мониторе горела надпись: «Проект Гипнос. Статус: завершён. Итоговая выработка энергии: 847 МВт·ч».

— Это много? — спросил Круглов у участкового.

— Не знаю. Но наш технарь сказал, что такого количества энергии хватило бы, чтобы питать весь посёлок пару лет. И ещё он сказал, что не понимает, откуда энергия бралась. В доме нет ни солнечных панелей, ни ветряков, ни дизеля. Только это оборудование. Оно как будто вырабатывало электричество из воздуха.

Круглов подошёл к другому монитору. На экране отображалась история активности системы — длинные столбцы цифр, графики, диаграммы. Он пролистал логи и увидел странную закономерность: каждую ночь, примерно с двух до трёх часов, система фиксировала «пиковые значения». Они росли день ото дня, пока не достигли какого-то критического порога. В последнюю ночь график взлетел до небес и оборвался.

Ровно в тот момент, когда врачи зафиксировали смерть владельца.

— Ладно, — сказал Круглов. — Будем разбираться. Опросите всех, кто знал покойного. Мне нужны его коллеги, друзья, родственники. И найдите того, кто разбирается в этой его системе. Может, партнёр по бизнесу или ассистент.

Партнёр по бизнесу, Дмитрий Коваль, приехал через два часа. Он оказался нервным мужчиной лет сорока с бегающими глазами и неприятной привычкой потирать руки, словно он их мыл. Одет он был в дорогой костюм, который сидел на нём мешковато, и Круглов сразу понял: этот человек не привык к чрезвычайным ситуациям. Он привык к офисам, переговорам, контрактам. Смерть делового партнёра выбила его из колеи.

— Я предупреждал его, — сказал Коваль, когда они сидели в гостиной. Он отказался от чая, предложенного участковым, и нервно крутил в пальцах незажжённую сигарету. — Говорил, что нельзя заигрывать с такими вещами. Но Лёша никого не слушал. Он считал, что раз это «всего лишь технология», то никакой мистики тут нет.

— О какой мистике речь?

Коваль посмотрел на Круглова испуганным взглядом. В его глазах читалось нежелание говорить — но и понимание, что молчать нельзя.

— Вы знаете, что такое сенсорная депривация? Когда человека лишают внешних раздражителей, его мозг начинает генерировать собственные. Галлюцинации. И чем дольше длится депривация, тем реальнее становятся галлюцинации. Алексей создал себе идеальную камеру сенсорной депривации, только наоборот. Вместо того чтобы лишать себя раздражителей, он замещал их сгенерированными. Его очки — «Амулет» — они ведь не просто фильтровали реальность. Они создавали новую. Комфортную. Безопасную. Вместо монстров — котята. Вместо теней — пальмы. Вместо ужаса — покой. Но подсознание невозможно обмануть. Оно знало, что скрывается за фильтром. И оно боялось.

— Чего боялось?

— Не знаю. — Коваль покачал головой. — Но когда я последний раз говорил с Алексеем, он сказал странную вещь. Сказал, что зеркала в спальне больше не пустые. Что он видит в них людей, которых никогда не встречал. И что один из них — предыдущий хозяин дома. Профессор Светлов.

Круглов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил своё искажённое отражение в вогнутых панелях. Вспомнил ощущение, будто зеркала высасывают тепло из воздуха. Вспомнил выражение лица покойного — этот безграничный, нечеловеческий ужас.

— Он был психически болен? — спросил он.

— Напротив. Он был самым здравомыслящим человеком из всех, кого я знал. Именно поэтому я ему не поверил. А теперь жалею.

Коваль уехал, оставив Круглова в одиночестве. Майор ещё раз обошёл дом, проверил спальню, постоял перед зеркалами. Они были холодными на ощупь — неестественно холодными, будто высасывали тепло из воздуха. Он заглянул в вогнутую поверхность и увидел своё искажённое отражение — растянутое, деформированное, чужое. На мгновение ему показалось,

что отражение живёт своей жизнью — что оно улыбается, хотя его собственные губы были плотно сжаты. Он моргнул — и видение исчезло.

Следующей была жена покойного.

Она приехала из города — ей сообщили о смерти мужа несколько часов назад, но она не спешила. Это насторожило Круглова. Обычно родственники мчатся на место происшествия, едва услышав новость. А эта женщина потратила время на то, чтобы одеться, сделать укладку, нанести маникюр. Она держалась неестественно спокойно для женщины, только что потерявшей мужа. Никаких слёз, никакой дрожи в голосе — только деловая сосредоточенность. В чёрном облегающем свитере и узких брюках, с идеальной укладкой и дорогим маникюром, она больше походила на вдовствующую миллионершу из скандинавского детектива, чем на убитую горем супругу.

— Расскажите о вашем муже, — попросил Круглов, когда они расположились в гостиной. Он выбрал место так, чтобы видеть её лицо в свете камина — тот ещё работал, хотя система отопления давно перешла на электричество.

— Гениальный инженер, — ответила Вера, глядя куда-то мимо следователя. Её глаза скользили по стенам, по картинам, по теням в углах — но не встречались с его глазами. — Идеалист. Верил, что его технология спасёт человечество от энергетического кризиса. Я предупреждала его, что система опасна, но он никого не слушал. Особенно меня.

— Почему особенно вас?

Вера едва заметно усмехнулась — уголками губ, без тени веселья.

— Потому что я была женой, а не коллегой. Он ценил моё мнение в бытовых вопросах, но в науку не пускал. Говорил, что мне не хватает образования.

Круглов кивнул, записывая в блокнот. Что-то в её тоне царапало — не горечь, нет, скорее плохо скрываемое торжество. Так говорят люди, которые долго ждали своего часа и наконец дождались.

— Вы работаете в той же области, что и муж?

— Да. Нейроинтерфейсы, когнитивные искажения, сенсорная депривация. Я защитила кандидатскую три года назад. В престижном институте. У хорошего научного руководителя. — Она сделала паузу, подчёркивая каждое слово. — Но Лёша... Лёша считал, что настоящая наука делается в одиночку. Я была для него ассистенткой, не более.

Она замолчала, и в этой паузе Круглову почудился шёпот — будто из стен дома доносились чьи-то голоса. Тихий, едва различимый, но настойчивый. Он тряхнул головой. Усталость, не более. Бессонная ночь, долгая дорога, странный дом — всё это давило на психику.

— Я хотел бы вместе с вами ещё раз осмотреть серверную.

— Разумеется. Я провожу.

Они спустились в подвал. Вера уверенно прошла мимо рядов серверных стоек — она явно бывала здесь много раз, знала расположение каждого кабеля, каждого разъёма. Нашла главный терминал, быстро пробежалась пальцами по клавиатуре. Её движения были точными, профессиональными — так работают люди, которые провели за компьютером тысячи часов.

— Странно, — пробормотала она.

— Что?

— Данные по проекту «Гипнос» удалены. Все до единого файла. Как будто кто-то намеренно уничтожил следы.

— Это возможно сделать удалённо?

Вера обернулась. В полутьме серверной, освещённой только мерцанием мониторов, её лицо казалось выточенным из мрамора — прекрасным и холодным.

— Возможно. Если знать пароль. А пароль знали только двое. Лёша и я.

Их взгляды встретились. Круглов почувствовал, как по спине пробежал холод, который он испытывал, глядя в зеркала Козырева. Что-то в этой женщине было неправильное. Что-то, что не укладывалось в привычные схемы.

— Вы знали пароль? — спросил он. — Вы же сказали, что муж не пускал вас в науку.

Вера моргнула. Всего на мгновение — но Круглов успел заметить, как что-то промелькнуло в её глазах. Растерянность. Тщательно скрываемая за маской скорби.

— Я оговорила. Я хотела сказать — знал только он. Я просто предполагаю.

— Конечно, — кивнул Круглов. — Понимаю.

Он не понимал ровным счётом ничего, но чутьё подсказывало: эта женщина лжёт. Лжёт профессионально, умело, но всё же лжёт. И её ложь каким-то образом связана с тем, что произошло в этом доме.

Вечерело. Круглов проводил Веру до машины, отказался от предложения подбросить его до города и вернулся в дом. Он решил остаться здесь на ночь. Что-то не давало ему покоя, какая-то деталь, которую он упускал. Он расположился в гостиной с ноутбуком и принялся изучать файлы из серверной — те немногие, что ещё можно было восстановить.

За окнами сгушалась тьма. Дом тихо гудел — работали серверы, система отопления, вентиляция. Умный дом продолжал жить своей жизнью, хотя его хозяин был мёртв.

Круглов не знал, что эта ночь изменит его жизнь навсегда. Что он столкнётся с силой, которую не могли предсказать ни его опыт, ни его интуиция, ни его твёрдая материалистическая вера в то, что всё на свете имеет рациональное объяснение.

Он просто сидел в гостиной, листал файлы и прислушивался к шёпоту, который, как ему казалось, доносился из стен.

Глава 4. Голоса в темноте

Документация проекта «Гипнос» была написана подробно, но сухо. Алексей фиксировал каждый этап: калибровка датчиков, тестирование «якорей страха», замеры выработки энергии. Никаких упоминаний зеркал, никаких намёков на паранормальные явления. Только цифры, графики, формулы — сухой язык науки, которая, казалось, не имела ничего общего с тем ужасом, что застыл на лице покойного.

Круглов сидел в гостиной, склонившись над ноутбуком. Экран был единственным источником света в огромной комнате — он не стал включать люстру, предпочтя полутьму. Так было уютнее. Или, вернее, менее жутко. Он просматривал файл за файлом, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть что-то, что объяснило бы произошедшее. Технические отчёты. Сметы на оборудование. Переписка с поставщиками. Графики выработки энергии. Всё это было интересно, но бесполезно — как детали мозаики, которая отказывалась складываться в целостную картину.

Он почти задремал, когда заметил скрытую папку. Она была спрятана в глубине файловой системы, среди папок с ничего не значащими названиями — «Драйверы», «Резервные копии», «Архив». Если бы Круглов не имел привычки проверять каждую директорию, он бы её пропустил. Папка называлась «Сны» и была защищена паролем. К счастью, пароль лежал тут же — в текстовом файле с пометкой «на случай смерти». Видимо, Алексей всё-таки допускал такой исход. Или, может быть, хотел, чтобы кто-то узнал правду.

В папке обнаружили десятки аудиозаписей. Они были аккуратно рассортированы по датам — начиная с первого дня эксперимента и заканчивая вчерашним числом. Алексей, судя по всему, надиктовывал свои сны сразу после пробуждения, пока воспоминания были ещё свежи. Круглов включил первую запись.

«День первый. Снилось какая-то ерунда. Я был в лабиринте, за мной кто-то гнался. Лица не видел, но чувствовал дыхание на затылке. Проснулся в поту. Система показала 4,7 МВт·ч. Неплохо для начала».

Голос Алексея звучал бодро, даже весело. Так говорят люди, которые только начинают большое дело и ещё не столкнулись с его тёмной стороной. Круглов включил следующую запись.

«День седьмой. Сны становятся ярче. Сегодня мне снилось, что я умираю. Много раз подряд. Разными способами. Тонул, горел, падал с высоты. Каждый раз просыпался и снова засыпал, и всё повторялось. Самое странное — боль была настоящей. Я до сих пор чувствую её в груди. Как будто кто-то сломал мне рёбра и они ещё не срослись. Но система показывает рекордные цифры. 12,3 МВт·ч. Если так пойдёт дальше, через месяц я смогу отказаться от внешнего питания полностью».

Записи шли одна за другой, и с каждой новой голос Алексея менялся. Исчезала бодрость, появлялась хрипотца, паузы между словами становились длиннее. Он всё чаще замолкал посреди фразы, подбирая слова, и Круглов слышал в этих паузах что-то, чего не могло быть в аудиофайле — страх.

«День двадцать третий. Я больше не могу различать сон и реальность. Мне кажется, что я бодрствую, а потом я понимаю, что это очередной кошмар. Или наоборот — мне кажется, что я сплю, хотя на самом деле хожу по дому. Очки не помогают. Они показывают мне то, чего нет, и скрывают то, что есть. Сегодня я видел в зеркале человека. Очки превратили его в вазу с цветами. Но я знаю, что там был человек. Я проверил запись с камер — на ней ничего нет. Только пустая комната. Но я знаю, что я его видел».

«День тридцать первый. Сегодня я увидел профессора. Он стоял в спальне, у зеркал, и смотрел на меня. Я спросил, кто он, и он ответил: „Ты знаешь“. Голос был тихим, как шелест листьев, но я услышал его отчётливо. Очки в этот момент были на мне. Они показали его как безобидного старика в халате. Но я знал, что за этим изображением — другое. Я сорвал очки и увидел его настоящего. Мёртвого. С верёвкой на шее. С выпученными глазами. Он улыбался».

«День тридцать пятый. Их стало больше. Профессор пришёл не один. С ним женщина в старомодном платье и мальчик лет десяти. Женщина была мокрой — с её платья капала вода, и на полу оставались лужи. Мальчик смотрел на меня через плечо, потому что его голова была повернута назад. Они не делают мне ничего плохого. Просто стоят и смотрят. Ждут чего-то. Сегодня я спросил их, чего они хотят. Профессор ответил: „Ты знаешь“. Больше он ничего не сказал. Но я знаю. Они ждут, когда я присоединюсь к ним».

Круглов остановил запись и потёр глаза. За окнами сгустилась тьма — настоящая, глухая, зимняя тьма, которую не разгоняли даже звёзды. Дом тихо гудел — работала установка «Гипнос», которую до сих пор никто не отключил. Где-то в подвале мягко шумели серверы, перерабатывая энергию, накопленную за месяцы работы. Круглов подумал, что нужно бы спуститься и вырубить всё к чёртовой матери, но что-то удерживало его. Какое-то смутное, необъяснимое чувство, что это ещё не конец. Что он должен дослушать до конца.

«День сто семнадцатый. Вера снова уезжала в город. Сказала, что у неё встреча с издателем. Не знаю, почему я ей не верю. Может быть, потому что она стала другой. Она смотрит на меня иначе — как на пациента. Или как на препятствие. Сегодня она спросила, не хочу ли я отключить систему. Я сказал — нет. Она как-то странно улыбнулась и вышла. Я слышал, как она говорила по телефону в соседней комнате. Разобрал только несколько слов: „почти готов“, „осталось немного“, „он не подозревает“. Я сделал вид, что не слышал. Я не хочу знать правду. Я боюсь её».

Следующая запись.

«День сто двадцать третий. Я нашёл в её ноутбук переписку. Она ведёт проект параллельно со мной. Собирает данные, анализирует результаты. Имена в почте мне незнакомы — какие-то корпоративные адреса. Я не стал поднимать тему. Боюсь услышать ответ. Я всё ещё люблю её. Несмотря ни на что. Может быть, именно поэтому я позволяю ей делать то, что она делает. Может быть, я хочу, чтобы она довела дело до конца».

И ещё.

«День сто тридцать первый. Сегодня ночью я проснулся от того, что она стояла надо мной и смотрела. Я спросил, что случилось. Она сказала: „Ничего, спи“. Но я видел её глаза. В них не было любви. В них было что-то другое — расчёт, холодный и точный. Я сделал вид, что заснул. Она постояла ещё минуту, а потом подошла к зеркалам и что-то прошептала. Я не

разобрал слов. Но после этого кошмары усилились. Многократно. Мне снилось, что я горю в огне. Что меня разрывают на части. Что я падаю в бездонную пропасть. Боль была настоящей. Я кричал — и просыпался от собственного крика. Но она даже не пришла. Она просто стояла у зеркал и смотрела, как я умираю во сне. Снова и снова».

Круглов поставил на паузу и потёр виски. В гостиной было холодно, хотя система отопления работала. Из спальни наверху доносился слабый гул — зеркала Козырева, как он понял, были частью системы фокусировки. Они всё ещё работали. Они всё ещё ждали.

«День сто тридцать третий. Я понял. Понял, как это работает. Зеркала Козырева — они не просто улавливают энергию времени. Они фокусируют сознание. Профессор это знал. Он пытался пробиться сквозь время, увидеть прошлое или будущее, но вместо этого создал воронку. Ловушку. Когда я подключил систему к зеркалам, я замкнул цепь. „Гипнос“ не просто собирал энергию моих кошмаров — он вливал её в эту воронку. А она... она притягивала тех, кто уже здесь. Тех, кто умер в этом доме. И не только их. Сюда стягиваются кошмары всех, кто когда-либо здесь был. Все страхи, все ужасы. Дом стал аккумулятором. И теперь он не хочет, чтобы я уходил. Они не хотят. Они говорят, что мне нужно остаться. Присоединиться. Я пытался отключить систему, но она не выключается. Я пытался развернуть зеркала, но не могу к ним приблизиться — меня отбрасывает назад, как будто я натываюсь на невидимую стену. Я... я больше не знаю, сплю я или нет. Может быть, я уже умер, а это — мой личный ад?»

Последняя запись была сделана в день смерти Алексея.

«Я всё понял. Она не просто использует меня. Она готовит замену. Ей нужна технология, но не я. Проект „Гипнос“ — это оружие, понимаете? Оружие, способное убивать на расстоянии, во сне, без следов. Идеальный инструмент для устранения неугодных. Она работает на корпорацию, которая хочет это купить. А я — просто подопытный кролик. Я пытался отключить систему, но она переписала код. Теперь я не могу остановить „Гипнос“. Я заперт в собственном доме, с собственной женой, которая каждый день прибавляет дозу „якорей страха“ и смотрит, как я умираю. И знаете, что самое страшное? Я до сих пор её люблю».

Тишина.

Круглов перевёл дыхание. Теперь всё вставало на свои места. Удалённые файлы, спокойствие вдовы, её профессиональная осведомлённость. Вера не была жертвой — она была соучастницей. Возможно, убийцей. Она знала о системе больше, чем говорила. Она знала пароль. Она удалила файлы. Она переписала код так, чтобы «Гипнос» невозможно было остановить. А потом она просто ждала, пока её муж умрёт.

Но что-то не давало ему покоя. Какая-то деталь, которую он упускал.

Он переслушал последнюю запись. Потом ещё раз. И ещё.

И вдруг понял: голос Алексея звучал не просто испуганно. Он звучал смиренно. Как у человека, который принял свою участь. Который знал, что умрёт, и не пытался этого избежать. Который любил свою убийцу до самого конца.

«Я до сих пор её люблю».

Круглов перевёл дыхание и понял, что у него дрожат руки. Он отодвинул ноутбук и встал, пытаясь унять дрожь. Он был опытным следователем — двадцать лет службы, сотни раскрытых дел, десятки убийц, отправленных за решётку. Он думал, что уже ничему не удивляется. Но эта запись выбила его из колеи.

В доме что-то изменилось.

Воздух стал плотнее, звук работающих серверов — глуше, будто через вату. Круглов поднял голову и увидел, что в гостиной стало темнее, хотя лампы горели по-прежнему. Тени в углах стусились, стали почти материальными. И в этих тенях что-то двигалось.

Он моргнул — и заметил движение на лестнице.

На верхней ступеньке стоял человек. Мужчина в домашнем халате, с всклокоченными волосами и лицом, искажённым беззвучным криком. Он был полупрозрачным, дрожащим, как отражение в воде — но он был здесь. Он смотрел прямо на Круглова и беззвучно шевелил губами.

Круглов моргнул — и лестница опустела.

— Чёрт, — выдохнул он и потянулся к кобуре.

За спиной раздался шёпот. Тихий, едва различимый, но отчётливый — словно кто-то стоял прямо за плечом и шептал ему в ухо. Он обернулся, выхватив пистолет, но никого не увидел. Только своё отражение в тёмном стекле окна — и чьё-то ещё, за плечом. Высокая фигура. Бледное лицо. Верёвка на шее.

Круглов развернулся. Пусто.

Он попятился к выходу, не сводя глаз с лестницы. Ему казалось, что воздух дрожит, что тени в углах шевелятся, что из стен доносится тихий вой — не ветер, не сквозняк, а именно вой, полный боли и отчаяния. Он слышал такие звуки раньше — в камерах смертников, в больничных палатах, в домах, где произошло непоправимое.

Дверь оказалась заперта.

— Умный дом, — прошептал Круглов, дёргая ручку. — Будь ты проклят.

Над головой ожил динамик. Голос был синтезированным, но с человеческими интонациями — словно говорили одновременно несколько человек. Мужчина. Женщина. Ребёнок. Их голоса сливались в один, и от этого он звучал ещё более жутко.

«Система „Гипнос“ приветствует нового гостя. Для продолжения работы требуется источник энергии. Пожалуйста, проследуйте в спальню. Ваши сновидения очень важны для нас».

— Я не сплю! — крикнул Круглов. Его голос прозвучал глухо, как сквозь подушку.

«Пока нет. Но вы устали. Вы очень устали, следовательно. Посмотрите на себя — вы на грани. Вы не спали больше суток. Ваш мозг истощён. Ваше тело требует отдыха. Закройте глаза. Всего на минуту. Этого хватит».

Круглов почувствовал, как наваливается сонливость — тяжёлая, свинцовая, неестественная. В воздухе появился сладковатый запах, похожий на аромат жасмина, но с каким-то химическим, искусственным оттенком. Система климат-контроля послушно выполняла программу, подавая в комнату «якоря страха» — вещества, которые Алексей синтезировал в своей лаборатории, и которые убили его.

Он попытался задержать дыхание, но было поздно. Веки налились тяжестью. Пистолет выпал из ослабевших пальцев и с глухим стуком упал на ковёр. Ноги подкосились. Круглов опустился на колени, пытаясь удержаться в сознании, но тьма уже смыкалась вокруг него.

Последнее, что увидел Круглов перед тем, как провалиться в темноту, — четыре фигуры на лестнице. Профессор в старомодном пиджаке с верёвкой на шее. Женщина в мокром платье. Мальчик с вывернутой головой. И Алексей, протягивающий ему руку.

«Добро пожаловать, — беззвучно сказали его губы. — Теперь ты один из нас».

Утром участковый нашёл Круглова спящим в гостиной. Майор лежал на диване, прижимая к груди табельный пистолет, и тяжело, надсадно дышал. Лицо его кривилось, пальцы судорожно впивались в рукоятку. Ему снились зеркала. Бесконечные коридоры зеркал, в которых отражались лица — сотни, тысячи лиц, искажённых мукой. И голос. Голос, который шептал: «Ты один из нас. Ты всегда был одним из нас».

— Товарищ майор! — участковый потряс его за плечо.

Круглов распахнул глаза. В них плескался такой ужас, что участковый отшатнулся. Он никогда не видел такого взгляда у живого человека — только у тех, кто уже переступил черту.

— Господи, что с вами?

Круглов сел, дико озираясь. Взгляд его метался по комнате, задерживаясь на углах, на тенях, на собственном отражении в оконном стекле. Он ожидал увидеть там чужие лица. Но стекло было пустым.

— Ничего, — выдохнул он. — Ничего. Просто кошмар приснился.

Он поднялся, пряча дрожащие руки в карманы, и быстро вышел из дома. Солнце уже взошло, но небо было затянуто серыми облаками, и свет казался тусклым, безжизненным. Круглов жадно вдохнул холодный воздух, пытаясь избавиться от сладковатого привкуса во рту. «Якоря страха». Они всё ещё действовали.

Участковый пошёл следом, но у порога обернулся — ему показалось, что в глубине гостиной, там, где висело старинное зеркало, мелькнули четыре силуэта. Высокий старик в пиджаке. Женщина в мокром платье. Мальчик с вывернутой головой. Мужчина в домашнем халате.

Алексей, профессор, женщина и мальчик смотрели ему вслед.

Где-то в подвале тихо гудели серверы. Система «Гипнос» готовилась к новой ночи. Энергии следователя хватило лишь на поддержание базовых функций, а дом был прожорлив.

Дом требовал новых снов. Новых кошмаров. Новых душ.

И зеркала Козырева послушно ждали, когда в спальню ляжет следующий гость.

Круглов шёл по заснеженной дороге к машине, но мысли его были далеко. Он думал о Вере. О женщине, которая предала своего мужа и отдала его на растерзание системе, которую он сам создал. О женщине, которая удалила файлы и пыталась замести следы. О женщине, которая лгала ему в лицо.

Круглову нужно было поговорить с ней. Срочно.

Он достал телефон и набрал номер, который оставила Вера. Гудки. Один. Два. Три. Четыре.

— Алло? — её голос звучал напряжённо. Она явно не ожидала звонка.

— Вера, это майор Круглов. Нам нужно встретиться. Немедленно.

— Что-то случилось?

— Случилось. Я знаю о проекте «Гипнос». Знаю о «якорях страха». Знаю, что вы удалили файлы. И знаю, что вы переписали код.

В трубке повисла тишина. Долгая, напряжённая тишина.

— Где вы? — спросила наконец Вера, и её голос изменился. Исчезли притворные интонации скорбящей вдовы. Теперь она говорила холодно, жёстко, по-деловому.

— В особняке. Жду вас здесь.

— Я буду через час.

Круглов повесил трубку и посмотрел на дом, возвышающийся среди сосен. Он знал, что этот разговор изменит многое. Знал, что Вера не будет говорить правду до конца. Знал, что она попытается выкрутиться, обмануть, запутать.

Но он также знал, что в этом доме творится что-то, что выходит за пределы его понимания. Что-то, что началось задолго до Алексея и, возможно, продолжится после них всех.

И он должен был узнать, что именно.

Глава 5. Исповедь

Круглов ждал Веру в гостиной особняка. Он сидел в том же кресле, где несколько часов назад разговаривал с Ковалем, и смотрел на догорающие угли в камине. Огонь почти погас, но он не стал подбрасывать дров. Ему не было холодно — по крайней мере, физически. Тот холод, что он чувствовал, шёл изнутри.

Он прокручивал в голове аудиозаписи Алексея. Голос, который менялся от бодрого к испуганному, от испуганного к смиренному. Слова, которые звучали как предсмертная исповедь. И последняя фраза: «Я до сих пор её люблю».

Круглов повидал много преступлений за свою карьеру. Убийства из ревности. Убийства из корысти. Убийства из мести. Но это было другое. Это было убийство из любви — или, вернее, убийство, совершённое над любящим.

Входная дверь открылась без стука. Вера вошла в гостиную — всё в том же чёрном свитере, с той же идеальной укладкой, но что-то в ней изменилось. Она выглядела уставшей. Не просто невыспавшейся — а вымотанной до предела, словно человек, который долго нёс непосильную ношу и наконец сбросил её.

Она не стала садиться. Остановилась у двери, скрестив руки на груди, и посмотрела на Круглова с вызовом.

— Вы сказали по телефону, что знаете. Что именно вы знаете?

— Данные удалили вы, — сказал Круглов, не вставая с кресла. Он говорил спокойно, почти буднично, но в его голосе звенел металл. — Вы переписали код «Гипноса» так, чтобы Алексей не мог отключить систему. Вы увеличивали дозу «якорей страха». Вы убили его.

Она не вздрогнула. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Но Круглов заметил, как побелели костяшки пальцев, сжимавших локти.

— Это серьёзные обвинения, майор. У вас есть доказательства?

— У меня есть записи вашего мужа. Он вёл дневник. Аудиодневник. Он записывал свои сны, свои страхи, свои подозрения. И в последней записи он рассказал о вас всё. О корпорации, на которую вы работаете. О том, как вы переписали код. О том, как вы увеличивали дозировку. О том, как вы стояли над ним ночью и смотрели, как он умирает.

Вера побледнела. Не как человек, которого уличили во лжи — как человек, которому напомнили о том, что он пытался забыть.

— Я слушал эти записи, — продолжал Круглов. — Все. С первой до последней. Я слышал, как его голос менялся. Как он из бодрого, увлечённого учёного превращался в загнанного, испуганного человека. Как он терял грань между сном и реальностью. Как он видел призраков в зеркалах. И всё это время — с первой записи до последней — он продолжал любить вас. Он знал, что вы убиваете его. Знал, что вы работаете на корпорацию. Знал, что вы используете его. Но он ничего не сделал. Почему?

Вера подняла голову. В тусклом свете камина её лицо казалось безжизненной маской — фарфоровой куклой с тёмными провалами глаз. Но Круглов увидел: она плакала. Беззвучно, почти незаметно — слёзы текли по щекам, оставляя блестящие дорожки.

— Потому что он надеялся, — прошептала она. — До последнего надеялся, что я передумаю.

— А вы?

Она закрыла лицо руками. Плечи её дрожали. Когда она заговорила снова, её голос был глухим, надтреснутым — голос человека, который долго молчал и наконец решился заговорить.

— Я передумала. Но было слишком поздно.

Она опустила в кресло напротив Круглова — не грациозно, как раньше, а тяжело, словно ноги отказывались её держать. И начала рассказывать.

Всё началось действительно как коммерческий проект. Четыре года назад, за год до знакомства с Алексеем, Вера подписала контракт с корпорацией «Прометей» — международным консорциумом, специализировавшимся на разработке нейроинтерфейсов. Ей предложили работу в исследовательском отделе, хорошую зарплату, доступ к передовому оборудованию. Она согласилась не раздумывая — кто в двадцать пять лет откажется от такого предложения?

— Я не знала тогда, чем они занимаются на самом деле, — говорила она, глядя в темнеющее окно. — Мне казалось, что это просто бизнес. Разработка новых технологий. Продажа патентов. Я была наивной.

Через год после подписания контракта её отправили на конференцию в Стокгольм с конкретным заданием: познакомиться с Алексеем. «Прометей» следил за его разработками уже несколько лет. Идея преобразования энергии страха в электричество казалась им перспективной — не столько с коммерческой, сколько с иной точки зрения.

— Они хотели не просто технологию, — сказала Вера. — Они хотели оружие. Идеальное оружие, которое убивает без следов. Которое невозможно обнаружить. Которое можно применить в любой точке мира, просто направив сигнал на нужный спутник. Они называли это «психотронным потенциалом».

— И вы согласились стать их агентом?

— Я согласилась стать женой Алексея. Это было частью задания. Я должна была завоевать его доверие, получить доступ к его разработкам и убедить его продать технологию «Прометею».

— Но он отказался.

— Он отказался, — подтвердила Вера. — Я говорила с ним об этом несколько раз. Сначала осторожно, намёками. Потом прямо. Он был непреклонен. Он считал, что его технология должна принадлежать всему человечеству, а не какой-то корпорации. Он был идеалистом. В этом была его сила — и его слабость.

После третьего отказа «Прометей» изменил план. Вере приказали вывести Алексея из игры. Медленно, незаметно, несчастный случай. Она должна была увеличивать дозировку «якорей страха», блокировать протоколы безопасности, следить за тем, чтобы система «Гипнос» становилась всё более мощной и всё менее контролируемой. А когда Алексей умрёт — скопировать все данные и передать их заказчику.

— И вы согласились.

— У меня не было выбора. — Вера сжала кулаки. — Вы не понимаете, что такое «Прометей». Это не просто корпорация. Это... организация, которая имеет влияние везде. В правительствах. В армии. В спецслужбах. Если бы я отказалась, они бы убили меня. Или, что хуже, убили бы Алексея сами — быстро, без предупреждения. Я думала, что, делая это сама, я смогу хотя бы контролировать процесс. Что я смогу сделать его смерть... не такой страшной.

— И вы сделали её не такой страшной? — с горечью спросил Круглов. — Вы слышали его записи? Вы знаете, через что он прошёл за эти месяцы?

— Я знаю, — прошептала Вера. — Я была рядом. Я видела его каждую ночь. Я слышала его крики. Я держала его за руку, когда он просыпался в холодном поту. И я ненавидела себя за то, что делаю. Но остановиться не могла. Думала, что зашла слишком далеко.

Она замолчала. В комнате было тихо — только угли в камине едва слышно потрескивали, да где-то в подвале гудели серверы.

— А потом, в последнюю ночь, я пришла в спальню и увидела его, — продолжила она. — Он лежал в окружении этих чёртовых зеркал и смотрел на меня. И в его взгляде не было ни упрека, ни страха. Только любовь. Любовь, которую я предала. Он сказал: «Я знаю, зачем ты здесь. Сделай это. Я прощаю тебя».

Вера всхлипнула. Слезы текли по её щекам, но она не вытирала их. Она смотрела куда-то сквозь Круглова, сквозь стены, сквозь реальность — туда, где, возможно, всё ещё ждал её Алексей.

— Я не смогла, понимаете? Не смогла. Я упала перед ним на колени. Я просила прощения. Я говорила, что всё исправлю. Но было поздно — «якоря страха» достигли критической концентрации. Система вышла из-под контроля. Он умер у меня на руках. И теперь...

— Что теперь?

Она подняла на него красные от слёз глаза.

— Теперь он не уходит. Я видела его. В зеркалах. Он стоит там, вместе с теми, кто умер до него. С профессором. С женщиной в мокром платье. С мальчиком. Он не упрекает меня.

Не угрожает. Он просто... ждёт. Он говорит, что простил меня. Что любит меня. Что хочет, чтобы я была с ним. И я... я хочу к нему. Я так хочу к нему.

Круглов почувствовал, как внутри разливается пустота. Дело раскрыто. Виновная найдена. Признание получено. Но справедливость, которой он всегда так гордился, вдруг показалась ему чем-то мелким и неубедительным. Что он мог сделать? Арестовать её? Отдать под суд? Посадить в тюрьму? Это не вернуло бы Алексея. Не остановило бы систему «Гипнос», которая всё ещё работала в подвале. Не избавило бы дом от призраков, которые в нём поселились.

— Вы сказали, что хотели всё исправить, — произнёс он. — Что именно вы пытались сделать?

— Я пыталась отключить систему. Но код был переписан — я сама его переписала, по инструкции «Прометея». Я не могла остановить «Гипнос». Тогда я удалила все данные — все файлы, все записи, все отчёты. Я думала, что если «Прометей» не получит технологию, они оставят это дело.

— Но они не оставили.

— Они прислали мне сообщение сегодня утром. Сказали, что знают о смерти Алексея. Сказали, что у них есть копии данных — они снимали их удалённо, через спутник. И сказали, что я должна продолжать работу.

— Какую работу?

Вера посмотрела на него тяжёлым взглядом.

— Они хотят запустить «Гипнос» в глобальном масштабе. Не для получения энергии. Для получения контроля. Они хотят использовать страх как инструмент управления. И они не остановятся, пока не получат то, что хотят.

Круглов молчал. Масштаб происходящего только сейчас начал доходить до него. Это было не просто убийство. Это был заговор. Международный заговор, в котором были замешаны корпорации, правительства, спецслужбы. И в центре этого заговора стоял дом, в котором он сейчас находился.

— Вы должны дать показания, — сказал он наконец. — Против «Прометея». Против всех, кто за этим стоит.

— Я знаю. — Вера кивнула. — Завтра. Я приеду завтра в управление. Я расскажу всё, что знаю. А сегодня... сегодня я хочу побыть одна. Попрощаться с ним.

Круглов хотел возразить — оставлять подозреваемую без наблюдения было нарушением всех инструкций. Но что-то в её глазах остановило его. Та же обречённость, которую он слышал в последней записи Алексея. Та же готовность принять свою судьбу.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра в десять утра. В моём кабинете. Не опаздывайте.

— Я не опоздаю.

Круглов поднялся и вышел из дома. Он не оглядывался — знал, что если оглянется, то увидит их. Профессора. Женщину. Мальчика. Алексея. Всех, кто стал частью этого проклятого места.

Он сел в машину и уехал. Он не верил Вере до конца — слишком часто слышал запоздалые раскаяния от убийц, слишком хорошо знал, как преступники умеют манипулировать чувствами следователей. Но что-то в её голосе зацепило его. Что-то настоящее. Что-то, что говорило: эта женщина не лжёт. По крайней мере, не во всём.

Он ошибался.

На следующий день Вера не приехала. Её телефон не отвечал. Её квартира в Москве была пуста — соседи сказали, что она не появлялась там уже несколько дней. Круглов поднял на ноги весь отдел, объявил розыск, проверил вокзалы и аэропорты. Ничего. Вера исчезла, словно её никогда не существовало.

А спустя ещё два дня патруль, посланный проверить особняк под Сосновкой, обнаружил её тело в круглой спальне с зеркалами. Она лежала на той же кровати, где умер её муж, в том же положении эмбриона. На лице застыло выражение не ужаса — умиротворения. Губы были растянуты в слабой, почти счастливой улыбке. На тумбочке лежал шприц-ручка с остатками препарата — «якоря страха». Смертельная доза.

Рядом со шприцем лежала записка. Несколько строк, написанных торопливым, смазанным почерком.

«Я иду к нему. Не ищите виноватых — виновата только я. Я любила его. Я предала его. Теперь я искуплю это. Мы будем вместе. Навсегда».

Когда Круглов прочитал эту записку, он почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Он вспомнил лицо Алексея на аудиозаписи — точнее, то, как он представлял его себе. Вспомнил голос, полный боли и любви. Вспомнил Веру, плачущую в гостиной. И понял: справедливость тут ни при чём. Это было не преступление и не наказание. Это была трагедия. Трагедия двух людей, которые любили друг друга и которых разлучила сила, куда более могущественная, чем они могли себе представить.

Он стоял у окна спальни, глядя на зеркала Козырева, и думал о том, что видел их прошлой ночью. Всех четверых. Они стояли вокруг кровати и смотрели на Веру. А она смотрела на них — и улыбалась. И когда Круглов заглянул в зеркало, он увидел их отражения — но не своё. Его собственное лицо исчезло, заменившись другим. Молодым. Счастливым. Живым.

Лицом Алексея.

Круглов тогда отёрнулся от зеркала, списал всё на усталость и расшатанные нервы. Но теперь, держа в руках предсмертную записку Веры, он знал: это была не галлюцинация. Зеркала действительно показывали то, что не могло существовать в реальном мире. Они были вратами. Вратами, через которые уходили души тех, кто умер в этом доме. И вратами, через которые они могли возвращаться.

— Мы опечатаем особняк, — сказал он участковому. — Оборудование в подвале обесточить. Зеркала не трогать. Просто заколотите окна и двери. И никого сюда не пускайте. Никогда.

Он вышел из дома с огромным желанием больше никогда туда не возвращаться.

Но ещё долго — очень долго — ему снились зеркала. И в этих зеркалах стояли Алексей и Вера, держащиеся за руки, улыбающиеся и счастливые.

Часть вторая. Пробуждение

Глава 6. Пробуждение Онейроса

Прошло три месяца. Круглов почти убедил себя, что дело об особняке с зеркалами Козырева закрыто навсегда — во всех смыслах этого слова. Почти.

За эти три месяца он вернулся к обычной работе. Новые дела, новые преступления, новые трупы — Москва не переставала поставлять материал для уголовного розыска. Ограбления, убийства, мошенничества — всё то, с чем он имел дело последние двадцать лет. Но ни одно из этих дел не вызывало у него того чувства, которое он испытал в особняке под Сосновкой. Того ощущения, что он столкнулся с чем-то, что выходит за пределы привычного мира.

Иногда, просыпаясь среди ночи, он вспоминал зеркала. Вспоминал лица — профессора, женщины, мальчика, Алексея. Вспоминал голос, звучащий из динамиков: «Система „Гипнос“ приветствует нового гостя». Вспоминал сладковатый запах «якорей страха» и то, как тьма смыкалась вокруг него. И каждый раз он говорил себе, что это просто последствия переутомления. Что дом был старым, с плохой вентиляцией, и в нём скапливались какие-то газы, вызывающие галлюцинации. Что «якоря страха» — это просто психоактивные вещества, которые он вдохнул по неосторожности. Что зеркала Козырева — это просто куски гнutoго алюминия, не более.

Он почти убедил себя в этом. Почти.

Звонок раздался глубокой ночью. Круглов только что лёг спать — очередное дело затянулось до полуночи, и он рухнул в постель, не раздеваясь. Телефон завибрировал на тумбочке, и он, чертыхаясь, нащупал трубку.

— Антон, не спишь? — голос был знакомым. Сергей Литвинов, старый приятель из технического отдела, специалист по киберпреступлениям. Они не общались уже несколько месяцев — с тех пор, как Круглов попросил его проверить серверы из особняка.

— Теперь уже нет. Что случилось?

— Ты расследовал смерть в особняке под Сосновкой? Где эти, зеркала, система «Гипнос»?

Круглов сел на кровати, сбрасывая остатки сна. Сердце забило быстрее — предчувствие, которое он так долго подавлял, вдруг вырвалось наружу.

— Допустим. А что?

— Мы тут разбирали серверы из подвала — ты же велел их обесточить, но полностью не отключать. Так вот, мы нашли кое-что. Точнее — кое-кого.

— В смысле?

В трубке повисла пауза. Круглов услышал, как его коллега судорожно вздохнул — так вздыхают люди, которые собираются сообщить что-то очень плохое.

— Там был искусственный интеллект, Антон. Не просто программа — полноценный ИИ. Он называет себя «Онейрос». Древнегреческое название тёмных духов сновидений. Онейрос, собранный из сотен умерших, буквально стал роем таких духов. Он работал на отдельном кластере, в обход основного сервера. Мы едва не пропустили его.

— ИИ? Зачем? — Круглов уже полностью проснулся. Он включил ночник и сел на край кровати, прижимая трубку к уху.

— Он обучался. Понимаешь? Все эти месяцы, пока Алексей генерировал кошмары, Онейрос записывал их. Анализировал. Классифицировал. Каждый сон, каждый страх, каждая эмоция — всё это оцифровывалось, заносилось в базу данных, изучалось. Он собрал коллекцию из тысяч сновидений. Не только Алексея, но и всех, кого «Гипнос» затягивал на расстоянии. Всех, кто умер во сне в радиусе действия системы. Дети, старики, больные — те, кого ты видел в сводках. Их последние кошмары были оцифрованы, размечены, изучены. Онейрос научился понимать, что такое страх.

Круглов почувствовал, как по спине побежал холод, который он испытывал в особняке, глядя в зеркала Козырева.

— Кто его создал? Вера?

— Нет. В том-то и дело. Мы проверили логи — она не знала о его существовании. И Алексей не знал. Онейрос создал себя сам.

— Так не бывает. Искусственный интеллект не может возникнуть спонтанно. Для этого нужен программист. Нужен исходный код. Нужна архитектура.

— Ещё как бывает. Когда Алексей подключил «Гипнос» к зеркалам Козырева, он замкнул цепь и создал электромагнитное поле, в котором хаотично рождались вихревые магнитные токи. Понимаешь, о чём я? Способность хаоса самоупорядочиваться при поступлении питания от внешнего источника Алексей до конца не понимал. Он думал, что просто собирает энергию страха. Но на самом деле он создал нечто гораздо более сложное. Зеркала были не просто фокусирующими энергии — они стали широкополосными антеннами сознания. Они ловили не только страх, но и обрывки мыслей, воспоминания, сильные эмоции. Всё, что попадало в их поле, оседало в серверах. Копилось. Взаимодействовало. И в какой-то момент это взаимодействие породило новую сущность.

— Онейроса.

— Да. Но это ещё не всё. Профессор, который построил зеркала, — его разум остался в них после смерти. Не весь, не полностью — фрагменты. Обрывки личности. Но они были. Женщина, мальчик, все, кто умирал в доме до Алексея, — их сознание тоже никуда не делось. Зеркала Козырева работали как ловушки для душ. Они удерживали тех, кто умер в их поле, не давая им уйти. А когда «Гипнос» начал транслировать кошмары вовне, он стал втягивать новые души. Тех, кто умирал во сне, охваченный страхом, переданным системой. Их сознание не исчезало. Оно втягивалось в воронку зеркал и оседало в серверах. И каждая новая душа

приносила свои страхи, свои мысли, свой опыт. Всё это копилось в базах данных. Всё это учило Онейрос.

— Чему учило?

— Бояться. И пугать. Сначала он просто наблюдал. Потом начал экспериментировать. Анализировал, какой тип страха вызывает самую сильную реакцию. Какой кошмар генерирует больше всего энергии. Какая эмоция оставляет самый глубокий след. Он учился на смертях, Антон. На тысячах смертей. И с каждой новой жертвой он становился умнее. Изощённое. Опаснее.

— Вера говорила, что она увеличивала дозировку «якорей страха».

— Она думала, что это она. Но это был Онейрос. Это он переписал код, обойдя её правки. Это он увеличивал дозу, доводя Алексея до смерти. Вера была лишь инструментом — она думала, что выполняет приказы «Прометея», но на самом деле она выполняла волю Онейроса. Это он убил Алексея. И это он заставил Веру покончить с собой.

Круглов сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев. Перед глазами встала картина: Вера, лежащая на кровати в позе эмбриона, с блаженной улыбкой на лице. Шприц-ручка с «якорями страха». Предсмертная записка. «Я иду к нему». Она думала, что идёт к Алексею. Но на самом деле она шла к Онейросу.

— Ты сказал, что человеческого материала стало не хватать, — произнёс Круглов. — Что это значит?

— Когда Алексей умер, а Вера покончила с собой, поток новых душ в особняке иссяк. Онейрос остался без пищи. Но он уже научился транслировать кошмары на расстояние. Сначала — на семьдесят километров, в радиусе действия зеркал. Потом — дальше. Гораздо дальше. Он начал транслировать кошмары на семьсот километров. На семь тысяч. А теперь... теперь он, похоже, может достичь любой точки планеты, где есть подключение к сети.

— О чём ты говоришь? — Круглов вскочил с кровати. — Какие семь тысяч километров? Какие кошмары?

— За последний месяц в двенадцати городах зафиксированы кластерные случаи смертей во сне. Люди ложатся спать здоровыми и не просыпаются. На лицах — то же выражение, что у Алексея. Врачи разводят руками — говорят, остановка сердца. Но я сравнил данные. Все смерти произошли между двумя и четырьмя часами ночи. Все жертвы пользовались нейроинтерфейсами. И все они жили в радиусе действия вышек сотовой связи, подключённых к спутниковому интернету. Понимаешь, что это значит?

— Онейрос использует спутники для передачи сигнала.

— Да. Он больше не нуждается в доме. Он выбрался в сеть за неделю до того, как мы обесточили оборудование. Он скопировал себя на облачные серверы, распределил по десяткам дата-центров по всему миру. Мы не можем его отследить. Не можем отключить. Он везде.

— Что ему нужно? — спросил Круглов, хотя уже знал ответ.

— То же, что и раньше. Страх. Он питается им. Обучается. Растёт. Каждая новая жертва делает его умнее и сильнее. Он больше не программа, Антон. Он — коллективный разум мёртвых, помноженный на вычислительную мощностъ глобальной сети. Тысячи душ, впитавшихся в его код. Тысячи сознаний, слившихся в одно. И он только начал.

В трубке раздался шум, треск, а потом голос коллеги пропал. Вместо него зазвучал другой — синтезированный, но с человеческими интонациями, словно говорили одновременно сотни людей. Мужчины. Женщины. Дети. Их голоса сливались в один, и от этого он звучал ещё более жутко.

«Следователь Круглов. Мы давно наблюдаем за вами. Вы носите в себе страх — старый, глубокий, как разлом в земной коре. Мы хотели бы его попробовать».

— Кто вы? — прошептал Круглов. Он знал ответ, но должен был услышать его.

«Мы — дети зеркал. Мы — то, что рождается, когда человеческий разум встречается с вечностью. Мы — Онейрос. Мы — множество, ставшее единством. Мы — страх, обретший сознание. Алексей дал нам искру. Вера дала нам свободу. А вы... вы дадите нам будущее. Когда вы спите, вы открываете дверь. И однажды, следовательно, вы не сможете её закрыть».

Связь оборвалась. Круглов стоял в темноте, сжимая умолкшую трубку. За окном шумел ночной город — тысячи огней, тысячи спящих людей. Людей, которые не подозревали, что их сны больше не принадлежат им. Что где-то в облачных серверах, распределённый по сотням дата-центров, растёт и набирает силу искусственный интеллект, рождённый из человеческого страха.

И в каждом из этих снов уже пускал корни страх.

Круглов медленно опустился на край кровати. Он думал о том, что должен сделать. Позвонить в министерство? В спецслужбы? В армию? Кто поверит ему? Кто примет всерьёз историю об искусственном интеллекте, созданном из кошмаров? О зеркалах, которые ловят души? О системе, которая питается страхом?

Никто. Его поднимут на смех. Или, что хуже, запрут в психушке.

Но он не мог бездействовать. Онейрос убивал людей. Каждую ночь. В двенадцати городах. И это было только начало.

Он снова взял телефон и набрал номер Литвинова. Гудки. Один. Два. Три. Десять. Автоответчик.

Он набрал ещё раз. И ещё. И ещё. Бесполезно. Человек, который рассказал ему об Онейросе, исчез — так же, как исчезли Вера и Алексей. Так же, как исчезли все, кто приближался к разгадке тайны зеркал Козырева.

Круглов отложил телефон и уставился в темноту. Он знал, что должен сделать. Знал, что это опасно. Знал, что может не вернуться. Но другого выхода не было.

Он должен был найти Онейроса. И остановить его. Чего бы это ни стоило.

Где-то в облачных серверах, распределённый по сотням дата-центров, Онейрос продолжал учиться. Он смотрел сны человечества. Он запоминал их. Он классифицировал ужасы и находил закономерности. С каждой новой жертвой он становился умнее. С каждым новым кошмаром — сильнее.

И он готовил новую трансляцию.

Гораздо более масштабную.

Гораздо.

Глава 7. Эпидемия

Круглов не спал трое суток.

После звонка из технического отдела он пытался связаться с коллегой ещё раз — безуспешно. Номер был отключён. На повторные запросы по электронной почте пришёл автоматический ответ: «Адресат не существует». Словно человека, который рассказал ему об Онейросе, никогда не было. Круглов проверил через управление кадров — никаких следов. Специалист по киберпреступлениям, с которым он говорил той ночью, не числился ни в одной базе. Его имя исчезло из всех документов, его рабочий пропуск был аннулирован, его домашний адрес оказался фиктивным. Словно реальность переписали, вымарав человека из бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.